

СКАЗКА О ЛЬНАНОЙ РУБАШКЕ

— Дед, а ты почему летом только в льняных рубашках и портках ходишь? — стал приставать к деду Матвею неугомонный Славка. — Вон сколько сейчас разных тканей есть искусственных — они и не мнутся, и не садятся от стирки, и гладить их легко?

— А на это, Славка, отдельная беседа полагается, не на одну чашку чая растянется, — хитровато отвечал дед Матвей.

Мы, уже привычно, поняли намёк, раскочегарили самовар, постелили скатерть и собрали на стол чашки, ложки и всё остальное. Сели кружком, выжидающе глядя на любимого рассказчика.

— *А дело было так, — начал дед Матвей, усмехаясь в густую бороду.*

Потворник Тёмных Богов, Чёрный Аист, задумчиво ходил по болотистой низинке у льняного поля, высоко поднимая длинные ноги. Быстро подбегал к зазевавшимся кузнечикам и ящерам, склёвывал их, и опять останавливался, погружённый в свои чёрные думы. А подумать ему было о чём — ведь прогневал Чёрный Аист самого Чернобога, Повелителя Нави.

«Всё ему не так, — думал расстроенный Чёрный Аист. — Обнаружил шутки мои злые — покажусь людям неподвижно стоящим — и начинают болеть у них ноги, здоровье уходит, расстраиваются помолвки, а то и лён низким рождается. Так на меня зыркнул и крикнул, что до сих пор клюв красный от стыда. Ну и что! Мы же чёрные! Так, нет, считает Повелитель — надо большими делами заниматься, власть над Явью сразу целиком брать! Не прав он! Большую змею можно проглотить только по кусочкам!» — тут Чёрный Аист сам испугался своих мыслей, встряхнул крылья и прислушался.

«Ух, а что там за звонкий детский смех? Жонки собрались на поле лён полоть, а в тенёчке девчонка сидит, смеётся. От силы одно лето назад родилась. Вот оно, большое дело! Украду я ребёночка,

отнесу в Навь, зайдутся в горе родители, разъярятся соседи, вся Явь узнает и содрогнётся!»

И Чёрный Аист, который был одновременно и глупым, и сильным, что втроене опаснее, долго не думая, налетел чёрным вихрем на девчущку, схватил её за рубашонку и взмыл высоко в небо.

Обомлевшая мать и другие видевшие это только закричать успели, а уже и след чёрный растворился в синем небе.

*Дайте прялку, дайте лён,
Дайте сорок веретён,
Буду прясть-попрядывать
На милого взглядывать,*

— раздавались весёлые частушки с полей, над которыми пролетал Чёрный Аист.

Лён выращивали на пашнях, или даже отдельно делали подсеки. Эта удивительная трава, ростом не выше мужской руки, вбирала в себя из земли столько жизненной силы, что после него на полях уже ничего не сеяли, а пустошили землю, оставляя её отдыхать до следующего года. Пахали землю, конечно, мужчины, паловой сохой с двумя лемехами, в дерево забитыми. После пахоты боронили бороной-суковаткой с недлинными зубьями. Сеяли лён после хлебов. Мужчины рассеивали

лён широким взмахом руки, дети лешили полосу засева, отмечая границы веточками-лешками или следами. Семена заделывали бороною. Но это, как вспоминал Чёрный Аист, было уж давненько. Сейчас, в жаркий летний месяц, женщины вышли пропалывать лён, что поднялся уж на ладонь.

«Иж, стараются,— довольно думал Чёрный Аист,— песни поют, а комарьё всё равно их грызёт».

И, правда, комары доставали женщин изрядно, несмотря на плотную одежду. Да всё равно, это был праздник! День для прополки выбирали подходящий по погоде. А если долго не было такого дня, то уж местного волхва просили облака разогнать, поспособствовать нужному делу.

Потом уж собрать надо будет лён, да высушить, связывая в снопы-тукачи и выставляя шатром. А потом девицы да жонки целый сечень-сентябрь друг перед другом будут красоваться, выходя в свой двор лён мять, показывая своё рукодельное искусство.

Лён ведь на всё годится — и лыком льняным щели законопачивать, и семечками льна можно волосы мыть, от чего они становятся крепче да пышнее, маслом из семечек можно лечиться,

жмыхом, что получился из зёрен после выдавливания масла, хорошо поля удобрять, но важнее всего, конечно, нити, что получаются из него. Много трудов надо положить, чтобы ниточку сплести, а она того стоит!

Осиротевшие родители, у которых похитили ребёнка, всё не могли поверить в случившееся. В первый раз взяли с собой годовалую дочку, а тут такое! Волосики у неё были такие же светлые, как белёный лён, а глаза — цветом голубые-голубые, в аккурат под цветочки льняные. Имя домашнее её было «Лёнушка-Лёна». Но вот теперь и звать стало некого. Горько плача, родители побрели к ведунье Зоряне, узнать, что с их милой деточкой и что же теперь делать.

Полетел Чёрный Аист к речке Березине, что отделяет мир живых от мира мёртвых. Ноги вытянул в полёте назад, крыльями размеренно машет, а девчушку за рубашку в клюве держит. Та смотрит вниз на Землю большими синими глазами, но не плачет — видно, и не понимает беды, что с ней случилась. Летит Чёрный Аист, радость от удачного дела ему в крылья силы добавляет, всё ближе граница, откуда живые не возвращаются. Вдруг стало до него доходить — очень больно клюву,

с каждым мигом всё сильнее да нестерпимее. Скосил глазом — а это рубашка ребячья, что из льна сделана, узорами красными обережными покрыта — клюв жжёт до невозможности, как огонь, кусается. Сил не стало терпеть у Чёрного Аиста, выплюнул рубашку с девчонкой и поскорее к реке Березине, клюв отмачивать в её молочных водах.

Девчоночку, что с высоты неба стала падать, будто как хранило что-то. Рубашечка парусом надулась, и плавненько так, без особых неприятностей, Лёнушка шлёпнулась в мягкую болотную грязь, рядом с моховой кочкой. Девчоночка не растерялась и быстро забралась повыше, устроившись на мягком возвышении. Болото было большое, на заболоченном просторе изредка виднелись корявые невысокие сосенки.

К счастью, иль на беду, болото это было во владении Кикиморы. Маленькая скрюченная старушка, кряхтя, прихромала к месту падения девчоночки и устала на неё свой длинный нос.

— Ох ты тэх ты! И как ты здесь очутилась? И ветер вроде несильный, не могло тебя ветром надуть. Сама явилась! Даже утруждать не надо — выкрадывать ребёнка, да зачарованное поленце

подкладывать, — сердито проговорила Кикимора, которая, что таить, пару раз крала детей из колыбелек. — Да не нужно мне сейчас никого! Уж больно вы крикливые, шумные, да не благодарные! Сначала сюда тащить, потом с утренней зорей обратно!

Кикимора вздохнула, повела сморщенным личиком, размышляя: «Так, куда ж тебя мне деть теперича? Надо девчушку из болота вынести да к деревне ближайшей подкинуть. Свистну-ка я Туросика, он любит туром оборачиваться, домчит тебя на спине до деревни быстренько. Иль нет, на спине-то не удержишься у него, мала ещё. Может, медведицу позвать, она в пасти донесёт?»

Ведунья Зоряна, выслушав горести молодых родителей, вздохнула и достала деревянные дощечки, на которых вырезаны были священные знаки.

— То, что жива ваша доченька, я и так чувствую, и горя она не испытывает. Что ж, спросим Богов — могла ли мать Лёнушки предотвратить несчастье? Тара, Богиня-Хранительница отвечает, что могла бы. И правда, зачем дитё малое на поле потащили! — ведунья сердито посмотрела на молодую мать, увидела её распухшее от слёз лицо и

покачала головой.

— Давай-ка так спросим. Вернётся ли она к родителям? Купало, Бог летнего Солнца, отвечает, что это неизвестно.

— Как неизвестно? — вскинулся отец Лёнушки. — Разве Боги могут что-то не знать?

— Значит, могут. Не только Боги будущее творят, но и Люди! — строго посмотрела на него Зорьяна. — Только три вопроса позволено задавать. Что последним спросим?

— Будет ли Лёнушке нашей на пользу то, что её оторвали от дома родного? — подняла на ведунью свои синие глаза молодая мать.

— Макошь ответила, что да... Охо-хо, значит, судьба её такая, и спорить с Богиней Судьбы уж не станем. Сбирайтесь до дому, да надейтесь на лучшее. Но знайте — потерянное не вернёшь, два раза в одну воду не ступишь. Жизнь — она разная... А другим объясним, что Богам светлым это для чего-то надобно...

Но тут девчоночка улыбнулась так мило, сверкая синими глазками, что сердце у лесного духа ёкнуло и сладко защипало.

— Ах, боже ти мой, какая ты миленькая, не могу! — прошептала Кикимора и взяла девчоночку за маленькую грязную ручку. — Не отдам никому!

Никому не скажу! Моей дочкой долгожданной будешь!

В лесу своя волшебная жизнь идёт, особая от людской. Вот и Кикимора, даром простой лесной дух, умела зачаровывать и заговаривать. Первым делом сняла она с девчоночки рубаху обережную, материнскими руками вышитую и спрятала в дальний сундук, заперла семью замками, в землю в лесу закопала, а ключи на одно кольцо повесила да в болото кинула.

Заплела косу девочке новой лентой, навязала на ней узелков, да нашептала на неё слова заговорные:

«То не узелки завязываются, то ко мне дочка привязывается. Завяжись, не развяжись, с каждым днём расти быстрее и взрослей. В небе расти месяцу, а здесь — дитятку-лесовичке. Кто слова мои переговорит, тому ломоту под бок, на язык — солёный кусок, на ногу — тесный сапог. Ключ, замок!».

Вот и вышло так, что Лёнушка стала жить у Кикиморы, как у матери родной, почитая себя обычной лесовичкой. Да и выглядела она как настоящий лесной дух. Далеко от болота Кикимо-

ра её не отпускала и наколдовала так, что в лесу никто и не знал-понимал о том, что у болотного Духа нежданно-негаданно дочка появилась. Редким на болоте водяным крысам, забежавшим зайцам и белым куропаткам Кикимора голову заморочила, не такое уж большое дело. Те видели, что тоненькая бледная лесовичка, любившая собирать и сушить камыши — очень безобидная, вреда никому не приносит. Вот и внимания не обращали, и без того хлопот хватает — надо успеть покормиться черникой, голубикой, морошкой и клюквой, пока есть, а потом бежать по своим делам.

Только мышки-полёвки, очаровать которых у Кикиморы руки не дошли, шептались, собравшись вокруг моховой кочки:

— У лесовички-то судьба незавидная, ой жалко! Как минет ей шестнадцать лет, так начнутся у неё терзания, ей самой непонятные, — говорила самая старая мудрая мышь. — Начнёт бродить тенью по лесу, искать людей, да заманивать в болото. А потом забудет человеческую речь, позеленеет, превратится в нечистую силу-навью, станет бояться чеснока да железа. Мне бабушка сказывала, что её от превращения в нечисть

только одно спасёт!

— Ой-ой, а что? — интересовались другие.

— А я забыла, — отвечала мышиная старейшина, — но девочку жалко!

Да кто ж на мышиную возню внимание обращает! Вот и Леший, хозяин этих мест, так ничего и не узнал, не доложили ему о новостях сороки-белобоки. Те ведь не любят около болота летать, а поселились в перелеске, что на дальнем конце владений Лешего был. Хозяин ничего не знал, и никто не мешал Кикиморе дочку названную растить да учить.

А учила Кикимора девочку многому из того, чего сама узнала за многие года, прожитые в глухом лесу. Научилась девочка-лесовичка понимать язык птичий и звериный. Умела слышать шёпот росы на листиках камыша и петь песенки вместе с солнечными зайчиками — отблесками на водной глади.

Знала теперь она особенности каждой травинки и деревца, пользу и вред, силу и слабость. Да и магии Кикимора девочку учила, особой, северной.

Зимними днями, когда даже лесным духам хочется в тёплой избе посидеть, учила Кикимора свою названную дочку прясти и ткать.

Очень любила Кикимора это дело, но получалось у неё всегда плохо. Пряла она почему-то справа налево, нитки обрывала и мусолила, запутывала шерсть, что начёсывала с зайцев по осени. Девчоночка, как чуть повзрослее стала, на зависть ей стала ровные ниточки из кудельки вытягивать, да потом полотно на небольшом станке выделывать.

Но льняной кудели никогда не было у этих прях, да и откуда! Ведь столько трудов надо положить, чтобы вырастить лён. И землю подготовить — боронить. И семена засыпать, землёй присыпать. Потом уж время прополки настаёт и уборки. Всё своих хитростей требует. Подождать небольшого дождя, рвать лён с корнями и складывать пястями в кресты. Собранный лён надо сушить, а потом отделять семена особым гребнем. Стебли надо связывать и снова сушить. А потом уж обрабатывать его на волокно, пряхь из него нитку, а потом и ткать полотно. Словом, льняного полотна девочка никогда в руках и не держала, что Кикиморе было на руку, как потом оказалось.

Так время и шло. Минуло пятнадцать лет.

Наступил летний Солнцеворот. Девочке-лесовичке исполнилось шестнадцать лет — родилась она как раз в Купало, чем, бывало, гордились её

родители. Кикимора собралась и ушла подальше в болото, как она делала всегда в эту ночь. Смешная зловредная старушка не любила праздник Середины Лета. Лесная ночная тишина в эту ночь нарушалась приходом множества людей. Они жгли костры, шумели песнями, пускали венки по реке Кянда, что вытекала из кикимориного болота.

Девочка же, томимая неясными чувствами, нарушила запрет матери не выходить из избы и побрела в задумчивости к своему укромному местечку — пригорку на окраине болота. Ночи стояли белые, тёплые, сидеть на пригорке было уютно. Вдруг прямо от глади болота замерцали и заплясали чудные огоньки. Сначала один, потом несколько, а потом уже везде, куда доходил взгляд. Бледно-голубые, слабо мерцающие огоньки, на уровне вытянутой человеческой руки плясали в воздухе, как волшебные свечи, вверх-вниз, и это было и прекрасно. Это было чудо, которым сейчас любовались только она да ночные птицы. Людям нельзя было смотреть на эти огни, для них это была весть о скорой смерти. Но она была лесовичкой, и ей было можно.

Вдруг что-то зашумело в воздухе, и справа от неё чавкнуло борото под ногами большого аиста, почему-то чёрного.

— Ну, здравия тебе, девочка-припевочка! — сказала птица, и лесовичке стало страшно. — Саван-то приготовила?

— О чём ты? — девушка попятилась, огромные синие глаза её стали ещё больше, одна нога по щиколотку соскользнула в болотную жижу.

— Так дело недоделанным оставлять не люблю. А нынче и рубашечки льняной материнской на тебе нету, — и птица как-то нехорошо стала примеряться и подвигаться ближе. — А ты ещё и не знаешь, что жизнь-то твоя будет без радости. Ждёт тебя, украденная девочка, доля незавидная, скоро и так в навью-нечисть превратишься, станешь бояться чеснока да железа, а людей, попавших тебе на глаза, будешь в болото заманивать и там топить. Так что давай-ка прямо сейчас в Навь помогу перелететь.

А в это время праздник Купало подходил к своему окончанию. Уже спеты купальские песни, и огненное колесо уже, зашипев, погасло в холодных водах реки Кянды. Люди постарше да с малыми детьми потянулись домой, а девушки и парни парочками побрели по лесу искать Цветок Папоротника.

Много волшебства сказывали об этом цветке, что зажигается огоньком только однажды в году, в купальскую ночь. Что, мол, тому, кто найдёт его, откроются подземные клады, и жизнь его, хоть какая худая была раньше, станет много лучше. Но влюблённые пары искали его не за этим — Цветок Папоротника, найденный в эту ночь, делал любовь ярче, счастье крепче, а родившихся после этой ночи детей умными, красивыми да удачливыми. Ясно дело, все хотели его найти, иль, по крайней мере, провести остаток ночи вдвоём наедине.

И тут Чёрный Аист опять сглупил — забыл, что угрожает дочке Кикиморы, стоя по колени в болоте. Дочь Хозяйки Болот вскинула и резко опустила обе руки в чародейном жесте, и чмокнуло под ногами чёрной птицы, и в мгновение ока засало наглеца по самую голову с вытаращенными от удивления красными глазками. А девушка повернулась и бежать.

И так уж вышло, что, перепуганная, бросилась она с пригорка, куда глаза глядят, и ненароком добежала до густого леса, куда никогда раньше не заходила. Упала на колени без сил, чуть лицом в рослый папоротник не угодила. И, так как она умела разговаривать с травами и деревьями, взмолилась:

— Травушка-муравушка, помоги мне, спаси от доли незавидной. Ждёт меня превращение в нечисть лютую, поганую, а я не хочу! Можешь ли чем помочь, всегда меня травы спасали от болезней, может, и от заклятия спасёшь?

Слышит, отвечает ей трава-мурава:

— Помогу тебе, чем могу, лесовичка, что умеет разговаривать с Природой. Есть у меня цветочек заветный, многие хотят получить, да в это лето тебе он достанется, на счастье. А то уж надоело ждать, пока какая-нибудь весёлая пара меня найдёт.

И вдруг тёмно-зелёные резные листья затрепетали, и прямо из серединки, куда сходились листья, выстрелил красный стебель с локоть высотой, и на верхушке его за миг распустился и засветился алым цветом диковинный цветок с большими остренькими лепестками. И, пока лесовичка с изумлением глядела на это чудо, влажный и довольно тяжёлый цветок шлёпнулся к ней в руки.

— Благодарю тебя, трава-мурава! А что же теперь со мной будет?

— А это уж Боги знают,— ответил папоротник, свернул листья и приготовился отдыхать.

Лесовичка, вся в тяжелых думах, побрела по тропинке. Всё было в лесу, как обычно, насколько она могла судить. Люди ушли, ничего не тревожило дремавший лес. Цветок в руке продолжал гореть алым светом. Вдруг он начал слегка подпрыгивать и мигать, и где-то впереди ему стал подмигивать другой огонёк.

«Что это? Клад какой открылся Цветком Папоротника? Зачем он мне?» — подумала Лесовичка, но идти ей сейчас было всё равно куда, побрела в ту сторону. Подходит к полянке — там человек спит сладким сном. А огонёк и мигать перестал, как и не было. Прислушалась — человек дышит ровно, спит крепко. Подкралась поближе. Потрогала кончики нарядного пояса и залюбовалась русым чубом на тёмных бровях.

Почему Лесовичка села рядом и сама придремала, хоть так близко к человеку никогда не подходила? Боги знают.

Ну, а когда утром они оба проснулись, оказалось, что цветок папоротника исчез, а двое посмотрели друг другу в глаза и поняли, что их судьбы Макошью сплетены, узелком завязаны.

А когда посмотрела Лесовичка в глаза Радовиту, то увидела она в них юную красавицу, а не лесовичку безобразную, и поняла, что это правильно. Нет больше на ней заклятия, и стала лесовичка вновь человеком, потому что нашла свою любовь. Взялись за руки Лёнушка и Радовит и пошли, улыбаясь друг другу, по лесу навстречу солнцу.

Первыми их заметили русалки, что сидели на ветвях в берёзовой рощице — зашумели, стали друг у друга спрашивать, кто это такие, что тут делают. Тут и сороки подросли, тоже ничего не поняли, но внимание Хозяина Леса — Лешего обратили.

— Кто такие в моём лесу? Один обычный человек, а что за странная девушка? Почему не знаю? — Леший всмотрелся пристально. — Остановить! Подвести ко мне! — кивнул Леший своим помощникам — лесным духам Свиде, Туровику и Стукачу.

Те, лёгкие на ногу, догнали пару, окружили, остановили, да подвели к Лешему.

— Ты кто такая? — грозно нахмурился Леший. Облик он любой принимать мог, хоть деревом, хоть зверем лесным. Сейчас он стоял перед де-

вушкой высоким мужиком и хмурился чёрными бровями. Суженый её загородил собой, да против Лешего не в настроении разве устоишь!

— Я? Я была дочкой Кикиморы, лесовичкой, а сейчас поняла, что я снова человек, — улыbnулась Лёнушка. — Моя любовь к Радовиту сняла заклѣтия. Оказалось, что любовь — это самое лучшее, что может случиться в жизни украденной девочки. Теперь мне надо с матушкой Кикиморой попрощаться и родителей искать.

— Вот как! Пусть Кикимора болотная ответ держит передо мной! Сейчас ты с ней попрощаешься! — совсем разгневался Леший.

Призвали Кикимору.

— Что творишь, Кикимора! Дитѣ человеческое скрыла от всех, растила на болоте, и знала же, какой судьбе её приговорила! — Леший даже ростом трёхметровым стал, так сдержать своё возмущение не смог.

Виновница, увидев грозного Лешего, Лёнушку в человеческом облике под защитой человеческого парня, всё поняла и сама заплакала:

— Леший, вместо дочки родной она мне! Помнишь, как когда-то мы с тобой вместе о ребёночке мечтали! Не сладилось у нас, не получилось!

Я теперь купальскую ночь ненавижу, потому что ты тогда после праздника сказал мне, что мы не пара! Как увидела её, так всё вернулось! Надеялась, что любовь моя материнская спасёт её от проклятия!

Вскинула глаза Кикимора на Лешего, и все увидели, что вместо бабушки стоит молодая женщина, с бледным лицом и яркими глазами. Прильнула она к груди высокого мужчины, а тот почему-то обнял её и стал гладить по длинным волосам:

— Если б ты знала, Кика, как я жалел о своих словах тогда. Но убежала ты на болота, а там у меня власти нет. И сколько я не звал, ты не выходила. А там уж и я осерчал на тебя. А потом ты уже выходила только в образе старухи, и я понял, что это знак запрета для меня.

Все замолчали. Прошлого не воротишь.

— С дочкой названной почти хорошо всё вышло. Спасла ведь её любовь, хоть и другая. Я рада, — прошептала Кикимора, утирая слёзы.

— Давай-ка отвернёмся от дня вчерашнего, повернёмся лицом в завтрашний, — вздохнул Леший и повернулся к парню. — Ты сам откуда, и как случилось, что ты один в лесу ночевал? Русалки вроде вчера не баловали, а весёлые помощнички мои заняты были, цветок искали, — Леший глянул на Туросика, который в ответ качнул рогами и топнул золотым копытцем.

Парень, который уже понял, что его суженой никто не грозит, а, вроде, даже помогать будут, заметно успокоился и отвечал:

— А я и сам не понял. Настигло нас в Белом море несчастье — коч наш старенький, на котором мы всемером вышли, дал течь. И всё бы ничего, дотянули бы до берега, но сотоварищ мой, Наволод, захотел побыстрее. Достал он наузы заговорённые, стал Стрибога звать. Там ведь если один науз достанешь, Бог Стрибог встрепенётся, лёгкий ветер повеет. Второй науз уже на ветер посильнее заговорён, и третий, если уж надо по какой-то причине бурю вызвать. Вот и достал Наволод первый узел, а откуда ни возьмись, птица Поморник. Набросился на котомку и выдернул все три науза разом. Клюв у него крепкий, мы и опомниться не успели, как все наузы были развязаны. Поднялся ветер небывалый, море заволновалось, на меня огромная волна накатила, свет померк. А потом глаза открываю, что такое! Лежу на земле твёрдой, тепло, светло, роба сухая, а сверху на меня Богиня утренней зори смотрит, Лёнушка..., — тут парень снова улыбнулся и нашёл глазами глаза своей любимой. — Меня как кто-то погладил по голове, и женский голос прозвенел: «Вот она,

судьба твоя, держи, не выпускай».

— Значит, всё-таки Макошь... — раздумчиво протянул Леший и повернулся к Лёнушке. — От судьбы не уйдёшь, но надо тебе помочь родителей найти. Ты мала ещё была, как я понял, не вспомнишь.

— Рубашка из льна поможет! — вдруг выступила вперёд Кикимора, которая вновь приняла облик старушки. — Отдам то, что спрятала, искуплю свою вину, — и Кикимора взмахнула рукой в сторону ближайшего куста.

Там что-то зашевелилось и стало проталкиваться из-под земли, как живое, нарушая травяной покров. Совсем немного времени прошло, и стало ясно, что это небольшой окованный сундук. Когда земля с него совсем осыпалась, то даже стали проглядывать рисунки в виде деревьев и птиц и запертые замки, не меньше семи. Кикимора сняла с себя пояс и положила его на крышку. Замки ржаво закрипели и раскрылись, а крышка медленно поднялась и откинулась.

— Детская рубашка льняная, с обережными узорами? Какая красивая! И почему такая тёплая? — девушка бережно достала рубашечку и приложила к себе на грудь, улыбаясь маленькой вещице.

— Твоя детская, матерью твоей вышита, одевай, — повела рукой Кикимора.

Вдруг рубашка всколыхнулась и в один миг превратилась в длинную девичью, по росту! Вскинула руки Лёнушка, слетели с неё лесные одежды, и оказалась она одетой в белую праздничную рубаху с красными узорами. И этот миг оказался волшебным, протянулась ниточка между ней и её родом, и стало ясно ей, где родной край! Так волшебная рубашка не только когда-то спасла малышку, но и помогла уже юной девушке.

Леший, улыбаясь, выдал девушке два поруча-браслета:

— Вот тебе подарочек от русалок, длинные рукава на запястьях собрать. Браслеты-то русальские, как понадобится чародейство творить, распускай рукава, да махни по сторонам.

Отозвала Кикимора Лёнушку в сторону:

— Прости, если что не так, родная. Постаралась я, как могла, научить тебя чародейству лесному, пригодится тебе в жизни. Рубашка-то эта чистоту и свежесть будет всегда хранить, и знай — пока до дому не дойдёшь, рубашку материнскую не снимай.

Если до этого снимешь — забудешь дорогу, запутаешь навсегда. Поняла? Ну, прощай, будь счастлива!

И, пока Лёнушка целовала Кикимору в обе щеки, и пока они обе плакали, прощаясь навсегда, никто не заметил, как из соседних кустов выбрался Чёрный Аист и потихоньку убрался прочь.

Засобирались Лёнушка и Радовит домой, к де-вушкиным родителям. Парень оказался сиротой, вот и плавал с молодости зуйком на кочах, а сейчас согласился поселиться семь- ёй в родной для жены местности. Путь неблизкий. Попрощались с лесными духами, гостинцы в узелки упаковали и двинулись.

Идут, а не знают — не ведают, что тёмные облака над ними сгущаются. Чёрный Аист, выбравшись из болота, долго чистился и отряхивался. И такой злобой переполнился за это время, что решил он пару влюблённую погубить, во что бы то ни стало. Отправился вслед за путниками, сам ещё не зная, что будет делать, но пылая жаждой мести.

Идут они так втроем тёмными лесами, под ходячими облаками, под частыми звёздами, под красным солнышком — люди впереди, сзади зловещая птица то летит, то прячется. Скоро сказка сказы-

вається, да не скоро дело делается. Долго не было удобного случая злодею — местность всё ровная, близко не подобрёшься.

Но вот однажды повела их дорога через тёмный лес. Тайга такая большая, что за день не перейдёшь. Дело-то уже к осени собралось, белые ночи уже и кончились, к вечеру совсем темно становилось. Расположились ночевать на полянке при дороге, костерок из сухих веток наловчили, да захотелось горячего чайку попить. Усадил Радовит Лёнушку у костра, а сам пошёл воду искать. Слышит — журчит ручеёк вроде. Пошёл, раздвигая смолистые еловые ветки, на журчание. Парень-то всю взрослую жизнь по ровному морю ходил, и не понял в темноте, что встал он, прислушиваясь, на вершине скалы, под которой бьёт родник. Тут Чёрному Аисту удобный случай и вышел. Налетел он сзади чёрным ветром и толкнул длинными сильными лапами парня прямо в спину. А тот и покатился вниз с высоты по острым камням, и последней его мыслью было: «Как там Лёнушка, напугается одна в лесу!»

ВОЛШЕБНАЯ БУРА НА БЕЛОМ МОРЕ

Встрепенулось сердце вещее у Лёнушки, толчком на ноги вскинуло, и побежала она в темноту, окликаая своего Радовита. Деревья и травы зашумели, заволновались:

— Туда беги, девушка, туда... Беда... беда...

Бежит Лёнушка, ног под собой не чувствует. Светлячки впереди кружат — свет дают, ночные совы уханьем путь направляют, ветки сами с дороги убираются.

Прибегает, видит — у подножья скалы лежит её любимый, весь израненный, чуть живой. Роба грязная, вся порвана, кровь из ран вытекает вместе с жизнью. Что делать? Чем раны очистить? Хоть и помнила Лёнушка завет духа болотного о снятии рубашки, но и слова Лешего про чародейство запомнила.

Распустила она рукава своей рубашки льняной, сняв русальские браслеты. Взмахнула правым рукавом, украшенным бранным узором — стала вода родника живой, взмахнула левым рукавом, украшенным бранным узором — вздохнул её любимый, стал дышать ровно. Рванула она с себя рубашку чистую-свежую, смочила ткань льняную в живой водице, обтёрла ею раны кровавые. Всё тело рубашкой своей протёрла, и ладошкой воды

по капле в губы влила. Затянулись раны, вернулся румянец на молодецкое лицо.

И такая была огромная сила жизни в рубашке льняной с волшебным узором, что излечила она любимого, наполнила тело крепостью, вернула здоровье, наделила удачей. Затрепетали ресницы, улыбнулись губы, открыл глаза Радовит, ничего понять не может.

— Лёнушка моя, что же ты в мокрой рубашке сидишь, застудишься!

— Живой, живой! — стала обнимать его Лёнушка. — Спасла тебя рубашка льняная заветная. Только, милый, я теперь забыла дорогу домой, не знаю, куда нам с тобой идти и как отсюда выйти.

— Ну что ж, сделанного не воротишь, а утро вечера мудренее. Давай-ка здесь на ночёвку устроимся, ветра за скалой нет, а трава мягкая.

Чёрный Аист, в восторге от своего злодейства, полетел в Навь хвастаться. Да забыл он, что зло рано или поздно против злодея обернётся. Стали у него прямо в полёте лапы, которыми он толкнул парня, нить и отниматься. Так долететь и не смог до реки Березины, пришлось опуститься на землю отмачивать их в голубом озерце, прячась от всех. И так он долго страдал и прятался, что со

временем превратился в простую тень на воде и растерял всю свою силу.

А Радовит и Лёнушка, проснулись утром от плеска воды и стука дужки ведра. Кто-то набирал воду из родника. Лёнушка привстала и глянула. Кто эта красивая женщина в красном сарафане?

Взглянули друг другу в синие очи и обе ахнули.

— Доченька!

— Матушка!

Матушкино сердце не обманешь! Узнала она свою дочку повзрослевшую, как только глянула! Вот и связались снова ниточки, по воле Макоши на время разъединённые. Дом-то то был совсем рядом, к роднику не бог весть какая дальняя дорога была.

Так всё и заладилось.

Дочке вернувшейся земли отвели, всем селом дом поставили, свадьбу сыграли. Всё правильно сделали — была молодая в своей рубашке льняной, и жених сидел во время пира на подоле жениной рубашки. И принесло это им обоим долголетие, богатство и процветание.

Стали молодые жить-поживать, добра наживать. А Лёнушка на всю округу прославилась как травница знатная, все к ней ходили лечиться да учиться, уму-разуму набираться.

А когда лён сажали, то её под белы руки на поле вели, чтобы поговорила она с льняными семечками. Выходила тогда Лёнушка в своей рубахе льняной с бранными узорами в поле, о чём разговаривала с Природой, никто не знал, но лён становился всё выше и гуще с каждым летом.

И ткань, что из льна пряли в наших местах, стала известна по всему миру своими живительными свойствами. Так с тех времён и повелось...

— Вот так-то, — довольно потянулся дед Матвей, взмахнув расшитыми рукавами. — Человеку, который с матушкой-Природой на одном языке разговаривает, не гоже отворачиваться от её даров. Рубашка льняная исстари давала силу жизни. Как только девушка получала свадебную льняную рубаху, так и не расставалась

с ней. И свадьба правильная была, если невеста в льняной рубахе, и роды в ней лёгкими были, и на посев женщина выходила в этом нарядном виде, да и старушкой её одевала — чтобы сила жизни, в ней заключённая, дала ей возможность родиться вновь. Ну а мы, мужчины, — тут он хитро подмигнул Славке, — хорошему у женщин тоже научились, и носим свои рубахи и порты из льна, чтобы получать долголетие, богатство да удачу.

И мы покивали, новым уважительным взглядом окидывая статную фигуру деда Матвея, одетого в белые льняные одежды с красной вышивкой.